

Прошлое и будущее: тоска по коммунизму и ее последствия в России, Белоруссии и Украине¹

С. УАЙТ

Надпись на футболке – «Коммунизм – мировое турне, 1917–1989». Эта надпись – символ глобальных перемен, произошедших на территории Центральной и Восточной Европы; перемен, в процессе которых устоявшиеся коммунистические режимы сменились коалициями во главе с диссидентами вроде Вацлава Гавела (Vaclav Havel), бывшего заключенного, или польского премьер-министра Тадеуша Мазовецкого (Tadeusz Mazowiecki), находившегося в заключении в 1980-х годах. К 1991 г. коммунистический режим в СССР прекратил свое суще-

¹ Статья подготовлена в рамках конференции «Трансформация государственного социализма: изменение системы, революция или нечто иное?» Кембридж, 8–9 сентября 2006 г. Выражаем благодарность за финансовую поддержку Совету по экономическим и социальным исследованиям (грант RES-000-23-0146, выданный Ст. Уайту, М. Лайт и Р. Аллисону) и Фонду Наффилда (грант SGS/32823, выданный Стивену Уайту), также благодарим за содействие Ю. Коростылеву.

Исследование в России, осуществленное при поддержке Russian Research Fieldwork, проходило с 23 марта по 20 апреля 2005 г. Было опрошено 2000 респондентов, выбранных на основе стандартных процедур по методу многоступенчатого пропорционального отбора, выбор домохозяйств осуществлялся способом случайного обхода; выборка репрезентативна по возрасту. Опрос проводился в виде личного интервью дома у респондента. Затем выборка взвешивалась в соответствии с половым, возрастным и образовательным составом населения каждого региона. Качество заполненных анкет и логическое соответствие информации проверялось с помощью стандартных процедур. Исследование 1993 г. проводилось агентством РОМИР в ноябре 1993 – январе 1994 г. (размер выборки – 2141 респондент) за счет средств гранта R 233538, выданного Советом по экономическим и социальным исследованиям У. Миллеру, С. Уайту, П. Хейвуду (William L. Miller, Stephen White, Paul Heywood); полный отчет содержится в Miller (1998). В Белоруссии исследование было проведено Центром политических и социальных исследований при Белорусском государственном университете в период с 5 по 19 июня 2006 г., размер выборки – 1000 респондентов, представляющих 57 населенных пунктов. Опрос проводился в виде личного интервью дома у респондента, 12% интервью проверено повторным визитом. Выборка построена на основе Белорусского статистического ежегодника за 2005 г. и взвешена по полу, возрасту, образованию и типу поселения. Исследование по Украине, проведенное Russian Research в период с 24 апреля по 12 мая 2006 г., построено по таким же принципам, n=1600. Было организовано 385 точек сбора информации и задействовано 163 интервьюера, каждый из которых провел в среднем по 10 интервью; 20% случайным образом выбранных интервью подверглись дополнительной проверке. Результаты опросов российского исследования 2005 г. хранятся в Британском Архиве данных, в скором времени туда же будет добавлена информация по исследованиям 2006 г.

ствование, и Союз распался на 15 независимых республик. Музей революции в Москве превратился в аристократический клуб; в Варшаве в здании бывшего штаба коммунистической партии теперь располагается биржа. Николае Чаушеску (Nicolae Ceausescu), в очередной раз избранный на пять лет на румынском съезде коммунистической партии в ноябре 1989 г., казнен месяцем позже. Лидер коммунистической партии Восточной Германии Эрих Хонекер (Erich Honecker), вынужденный уйти в отставку в октябре (1989), в декабре был обвинен в коррупции и помещен под домашний арест. Тодор Живков (Todor Zhivkov), лидер коммунистической партии Болгарии с 1954 г., обвинен в проведении политики «диктатуры клана» и арестован. Несомненно, произошли перемены, и перемены значительные.

Однако эти события еще не свидетельствуют о безоговорочном конце эпохи коммунизма. Во-первых, коммунистический режим кое-где еще существует: например, на Кубе и в некоторых странах Азии. Принимая во внимание большое и все увеличивающееся количество населения, проживающего в КНДР, число людей, живущих при коммунистическом режиме, в 2006 г. практически не изменилось по сравнению с 1986 г.: 1,4 млрд, что составляет больше 1/5 всего населения Земли – в 2006 г., и 1,6 млрд – в 1989 г. Вряд ли это конец истории коммунизма. Еще большая часть населения живет при посткоммунистических режимах, где бывшие у власти при коммунизме партии выступают теперь под другим именем, отбросив притязания на политическую монополию и конкурентные выборы, в некоторых случаях делая это с большим успехом: в Болгарии и Венгрии, Литве, Монголии, Польше и других странах. 1989 год был, конечно, годом отступления от ленинизма, однако не обязательно годом провалов для партий левых.

Также до конца не ясно, какая именно перемена произошла в конце 1980-х годов. По словам российского президента Б. Ельцина, произнесенным им сразу после поражения путчистов в августе 1991 г., россияне «сбросили оковы 70-летнего рабства» и встали на путь к «парламентарной демократии» [Известия 1991a, Известия 1991b]. Если выборы первого президента в России были свидетельством национального развития, утверждал Ельцин, то поражение путчистов – «глобальным событием планетарного масштаба», которое подвело XX в. к логическому завершению – вероятно, предвосхищая в своем высказывании хобсбаумовский «Короткий век» (Hobsbawm's Short Century), появившийся немного позже. Премьер-министр Е. Гайдар пошел еще дальше, утверждая, что конец коммунистического режима был «революцией, сравнимой по ее влиянию на исторический процесс с Великой Французской Революцией, Революцией 1917 г. и китайской революцией 1949 г.» [Гайдар 1996, с. 8–9]. По мнению двух сторонников Гайдара, перемены, связанные с концом коммунистического режима в России, можно поставить в один ряд с еще более отдаленными во времени событиями, начиная с Кромвеля в XVII столетии и заканчивая великими социальными революциями современности (См.: [Стародубровская, Мау 2001]).

Некоторые исследователи, тем не менее, еще сомневаются в глобальности произошедших перемен, среди них – социолог Т. Заславская. С ее точки зрения, есть несколько опровержений того, что в данном случае мы имеем дело с фун-

даментальной социальной революцией. Одно из них заключается в том, что новая правящая элита состоит преимущественно из бывшей номенклатуры, в то время как в Центральной и Восточной Европе к власти пришли «оппозиционные социальные силы» [Заславская 2004, с. 193]. Самое скрупулезное исследование правящей элиты показало, что более 80% номенклатуры переключалось на позиции 1-го или 2-го эшелона посткоммунистической элиты [Ершова 1994, с. 154–155; наиболее полно Головачев 1995, 1996]. Есть причины утверждать, что советская «перестройка» представляла собой на самом деле захват власти нижними уровнями номенклатуры в попытке конвертировать временные привилегии в форму частной собственности. Заславская видит в этом «завершение антисоциалистического (буржуазного по своей природе) переворота, начатого Сталиным в 1920 г., но так и не доведенного до своего логического завершения» [Заславская 2004, с. 191; Kotz, Weir 1997].

Также Заславская предполагает, что за сменой власти не стояло массового народного движения, политические ресурсы отдельных людей не были задействованы, вместо этого сам режим являлся движущей силой перемен. Переворот происходил еще спокойнее, чем «бархатные революции» в Западной и Центральной Европе. Вряд ли можно говорить о великой социальной революции, если, как в России, переворот «остался практически незамеченным для общества, в котором он происходил» [Заславская 2002, с. 6]. По Заславской, это была не «революция», а «эволюция»: произошедшее лучше всего описывается как выступление хорошо образованной, но не удовлетворенной текущим положением дел интеллигенции против номенклатуры под девизом «улучшения социализма» для увеличения благосостояния обычных людей. Но это движение интеллигенции в силу многих препятствий не устояло во время распада СССР, в определенный момент инициативой завладела группа сторонников Б. Ельцина, который руководил разграблением государственной собственности, полной криминализацией и провалом государственного управления [Там же, с. 6–7].

СССР тем временем оставался довольно популярным, и не только у россиян. На референдуме в марте 1991 г. за учреждение «обновленного союза равных суверенных республик, в котором гарантированы права и свободы представителей всех национальностей» проголосовало 80% населения. Белорусы (83% голосов «за») были более оптимистичны, чем украинцы (70%) и россияне (71%). Путч 1991 г. не вызвал сколько-нибудь значительного народного сопротивления, не получило поддержки и принятие поспешного и, возможно, противоречащего конституции решения о распаде СССР в декабре – довольно странный «пакт элит», подписанный Ельциным, который в то время был не в состоянии судить здраво (по словам участников событий, он был «так пьян, что даже вывалился из кресла» [Ремник 1997, с. 27]) и который в любом случае не имел полномочий для роспуска союза [Коржаков 1997, с. 127]. Уровень поддержки идеи союзного государства до сих пор остается очень высоким; в нашем исследовании 2005 г., например, 66% респондентов полностью или частично согласились с тем, что распад Советского Союза был катастрофой, 76% населения СНГ хотели бы восстановить единое государство или, по крайней мере, взаимодействовать более интенсивно.

Таким образом, значительное количество населения предпочло бы продолжение советского режима, причем в его доперестроечной форме. Более половины опрошенных в исследовании Левада-Центра в январе 2005 г. согласились с утверждением «Лучше всего было бы, если бы все осталось, как было до 1985 г.». Почему? Потому что «мы были большой единой страной» и «был порядок» (оба варианта отметили по 26%); к тому же была «уверенность в завтрашнем дне» (24%) и «низкие и стабильные цены» (20%). Что касается перестройки, то только 21% рассматривают ее как позитивное изменение, при этом в три раза больше респондентов (56%) придерживаются противоположенной точки зрения [Левада 2005, с. 8, 9, 11]. Горшков и Петухов обнаружили, что перестройка вызывает положительные ассоциации у 28% респондентов, отрицательные – у 63% [Горшков, Петухов 2005, с. 394]. Даже если многие и считали перестройку необходимой, она должна была, по их мнению, производиться по-другому: «без разрушения социалистического порядка» (33%), или «путем постепенного развития рыночных отношений в экономике, а не насаждением демократии» (19%) [Там же, с. 376, 380].

В ходе опроса в ноябре 2005 г. об отношении респондентов к Октябрьской революции выяснилось, что более половины из них считали, что революция «открыла новую эру в истории российского народа» (32%) или «дала стимул к экономическому и социальному развитию» (28%). Причем доля людей, придерживающихся такой точки зрения, увеличилась по сравнению с 1990 г. Более половины (55%) положительно отзывались о Ленине, 46% – о Дзержинском и 37% – о Сталине, их оппонентам оказано гораздо меньше поддержки (исключая самого царя). Около 17% сказали, что поддержали бы большевиков в гипотетической новой Октябрьской революции, что гораздо больше 7% сторонников их оппонентов; исход новой революции, таким образом, «был бы тем же, что и 88 лет назад», комментируют Известия [Известия 2005, с. 2]. По крайней мере в России очевидно, что произошедшие перемены представляют собой гораздо более сложное и запутанное явление, чем «переход к демократии»: его с трудом можно назвать переходом, необязательно к демократии, инициируемым частью самого старого режима. Вполне понятно, почему россияне вместо этого термина предпочитают употреблять нейтральный «распад Союза».

Оценивая ностальгию по коммунизму

В научной литературе бытует прочное мнение, что в посткоммунистических странах, особенно в России, зона присутствия ностальгии по коммунизму велика. Меньшее единодушие наблюдается по вопросу измерения этой ностальгии и ее возрастающей значимости; в частности, какая связь существует между положительной оценкой коммунистического прошлого, негативной оценкой посткоммунистического настоящего и склонностью желать восстановления коммунистического порядка в будущем. Харпфер [Harppfer 2002] в своем исследовании по 15 странам Центральной и Восточной Европы широко использует шкалу «ада и рая», в которой прошлый, настоящий и будущий режимы оцениваются от +100 до -100. Более половины населения исследуемого региона по-

ложительно оценивают коммунистический экономический порядок (среднее значение в 1998 г. составило 54), поддержка наиболее сильна в Белоруссии и на Украине, 78 и 90% соответственно. Это является доказательством «усиления тоски по экономической стабильности прошлого, по сравнению с быстрыми экономическими переменами и нестабильностью, наблюдавшимися с 1989 г.» [Там же, с. 9].

Чуть меньше поддержки вызвала коммунистическая система государственного управления, среднее значение в 1998 г. – 47%, что выше аналогичного показателя 1991 г. – 36%. Снова большой разброс – от Польши (30%) до Украины (82%) и от Центральной и Южной до Восточной Европы. Уровень поддержки самый высокий в республиках бывшего Советского Союза; на Украине речь даже идет о «серьезной угрозе хрупкой демократии и риску победы альтернативных недемократических режимов... если политическое недовольство украинского электората не будет сдержано» [Там же, с. 14]. Также наблюдались положительные оценки коммунизма в целом по региону: 10% считало его «хорошим способом хозяйственного устройства» и еще 46% – по крайней мере «терпимым»; самые низкие оценки демонстрировала Чешская Республика и Польша, самые высокие – Белоруссия, Украина (16 и 59% соответственно) и Сербия.

А что же насчет реставрации коммунизма? Эта идея находила поддержку у 18% населения региона в 1994 г., в 1998 г. этот показатель увеличился до 24%, что выше, чем в Центральной Европе (19%); самый низкий уровень поддержки наблюдался в балтийском регионе (6–7%), что ниже, чем в Юго-Восточной Европе (до 21% в 1994 г. и до 28% в 1998 г.) и республиках бывшего Советского Союза. Очевидно, что стремление к восстановлению коммунистического режима «не исчезло, а, наоборот, росло на протяжении всего процесса политической трансформации» [Там же, с. 17]. Снова самые высокие показатели демонстрирует Украина, где число сторонников реставрации неуклонно увеличивалось, достигнув 51% в 1998 г. Это свидетельствует о «исключительно высоком уровне недовольства существующей политической системой на Украине и риске крушения демократии и рыночной экономики в этой стране, со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями, в том числе возможной попыткой реставрации коммунизма» [Там же, с. 19].

Пример использования более дифференцируемого подхода можно найти в исследовании Экмана и Линда [Ekman, Linde 2005], в котором много внимания уделено различиям элементов этого сложного, многомерного феномена и причинно-следственным связям. В частности, была ли тоска по коммунизму «индикатором истинных недемократических ценностей у населения посткоммунистических стран, приобретенных в результате политической социализации в старой коммунистической системе?» Или «просто следствием ощутимой нехватки товаров и общим недовольством функционированием демократической системы?» Есть еще один аспект, сложнее поддающийся оценке, но от этого не менее важный – представление о «старых добрых временах». Весьма вероятно, что этот аспект имел место в посткоммунистических странах – например, в Восточной Германии – когда жители обнаруживали необходимость приспособливаться

к новому стилю жизни, в то время как они уже обладали ценным, с их точки зрения, жизненным опытом. «Буквально за одну ночь все, что считалось само собой разумеющимся, стало недействительным»; естественным результатом чего явился «кризис самоидентичности», выразившийся в «смятении и чувстве разочарования» [Там же, с. 357].

Экман и Линд получили эти выводы на основе анализа материалов Нового Европейского Барометра, охватившего 10 стран в Центральной и Восточной Европе, но не включавшего ни одной республики бывшего СССР за пределами Балтики, и Евробарометра. Они отметили, что в остальных кросснациональных исследованиях содержится гораздо меньше вопросов, связанных с оценкой системы, и ни одно из них не запрашивает напрямую о реставрации коммунизма (там же, 358). Их исследование охватило период с 1993 по 2001 г., на протяжении которого уровни ностальгии, в определении Экмана и Линда, варьировались от 15 до 30% и имели тенденцию увеличиваться даже в странах, в которых предполагалось укрепление демократии, например в Чешской Республике [Там же, с. 359–360]. Уровни ностальгии были ниже в трех балтийских республиках, очевидно, потому, что коммунистический режим ассоциировался у них с потерей национальной независимости, однако в них больше, чем в Центральной и Восточной Европе, сторонников позиции, что «лучше избавиться от парламента и выборов и передать власть сильному лидеру, который сможет быстро принимать решения» [Там же, с. 361].

Если бы ностальгия определялась процессом социализации, то было бы логично ожидать более высоких показателей у старших поколений, чем у их младших соотечественников, заставших только упадок коммунистического режима. Но ностальгия по коммунизму также может являться реакцией на деятельность посткоммунистических правительств, тогда она должна зависеть от общего уровня неудовлетворенности правительством, а не от возраста. В целом исследование подтверждает правильность второго предположения. Более молодые респонденты выражали меньше поддержки коммунистическому режиму и его авторитарным альтернативам (включая военный коммунизм и идею «сильного лидера»). Но в то же время уровень ностальгии по коммунизму повышался как среди молодых, так и среди старших поколений, что говорит о зависимости ностальгии от функционирования экономики. Оказалось, что ностальгия не обязательно представляет собой угрозу посткоммунистическому порядку и не всегда связана с неприятием либеральной демократии.

В центре внимания Манро [Munro 2006] находится Россия, для анализа тех же проблем он использует материалы Нового Российского Барометра. Он проводит различие между ностальгией (общее одобрение коммунистического прошлого), реакцией (желанием его возвратить) и верой в то, что это действительно случится (к лучшему или к худшему). 70% россиян положительно отзывались о коммунистическом режиме, что гораздо больше аналогичного показателя в посткоммунистических странах – членах ЕС (54%), и наблюдается тенденция к дальнейшему росту российского показателя. 41% хотели бы восстановления коммунистического режима (в новых членах ЕС – только 15%). Но только 16% считают такое восстановление возможным [Там же, с. 6–8]. В целом результаты

исследования свидетельствуют о наличии «постоянного сценария», в котором ценности коммунистического прошлого больше влияют на политическое поведение, чем экономические и политические индикаторы, социальная структура и когнитивные различия; однако их влияние ослабевает, так как ценности влияют на представление о прошлом и настоящем в большей мере, чем о будущем [Там же, с. 24].

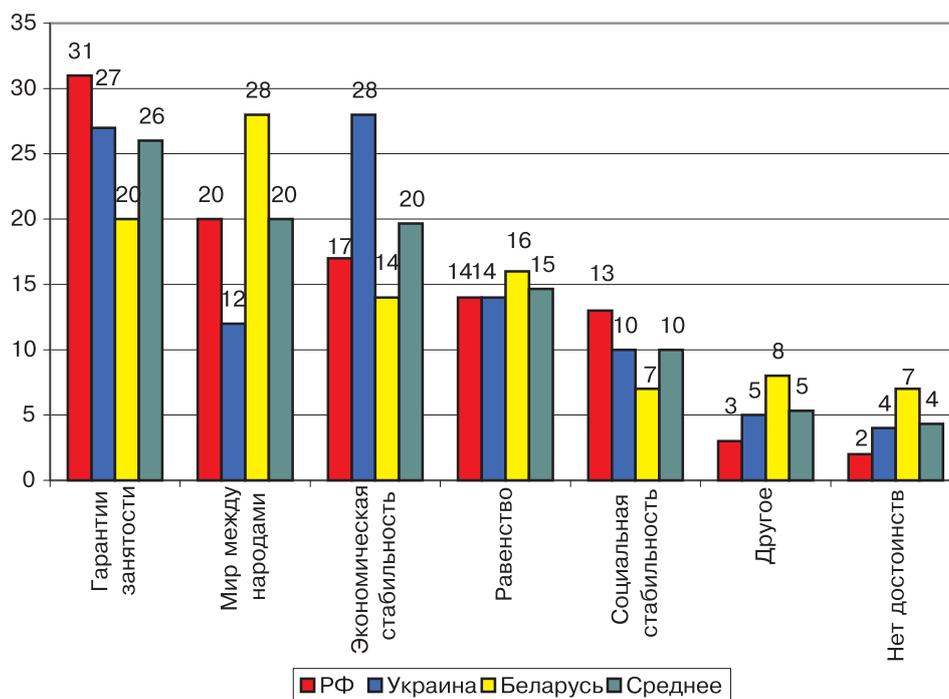
Другие исследователи менее оптимистичны. Они считают ностальгию по коммунизму, и в особенности отношение к Сталину, серьезной «преградой демократизации России». Поддержка прозрачности, верховенства закона и свободных выборов, как утверждают Мендельсон и Гербер [Mendelson, Gerber 2005–2006, с. 84], может в значительной мере определяться «историческим наследованием», и «широко распространенные и устоявшиеся убеждения прошлого» могут оказывать серьезное влияние на политическое и социальное развитие. Молодые россияне, например, более склонны объяснять драматические события на Украине в конце 2004 г. работой западных спецслужб, больше симпатизируют Сталину (каждый пятый проголосовал бы за него, если бы Сталин баллотировался на высокий пост, больше половины считают его мудрым политиком [Там же, с. 84–87]. Мендельсон и Гербер пишут, что ностальгия по Сталину – не просто архаизм, который исчезнет вместе со старым поколением. До тех пор, пока молодые россияне безразличны или испытывают симпатию к кровавому диктатору, который легитимизировал террор в масштабе всей страны, маловероятно, что они объединятся под девизом справедливости, прав человека или прозрачности – факторов, имеющих решающее значение для трансформации России в современное демократическое государство [Там же, с. 3].

Далее мы построим обсуждение следующим образом. Сначала рассмотрим отдельно Россию, Белоруссию и Украину – три славянские республики, занимающие более 3/4 территории с населением, составляющим половину населения бывшего Советского блока. Как и в других исследованиях, мы будем использовать данные за длительные отрезки времени, с 1993 по 2006 г. Но в отличие от аналогичных работ мы рассмотрим уровни ностальгии как внутри, так и между нациями. Еще одна особенность нашего исследования, которая, возможно, является самой важной, – мы разложим понятие «коммунистический режим» на различные компоненты. Конечно, в работах на основе исследований встречаются предположения о том, что россияне хотят иметь в качестве политической системы «социализм, который работает», без свойственных ему изъянов, но в то же время почти от него не отличающийся; или «более демократическую советскую систему»; без ограничений на выборы и права меньшинства [Гибсон (Gibson) 1996]. Возможно, эти предположения и нереалистичны, но они представляют более дифференцированный подход к советскому прошлому, «со всеми его достоинствами и недостатками». Заглядывая в будущее, мы также проверим связь между ностальгией по коммунизму и поведением на выборах на основании материалов послевыборных опросов в России и Украине. Если ностальгия действительно влияет на современную политику, то именно здесь мы и должны ожидать ее проявления прежде всего.

Оглядываясь назад

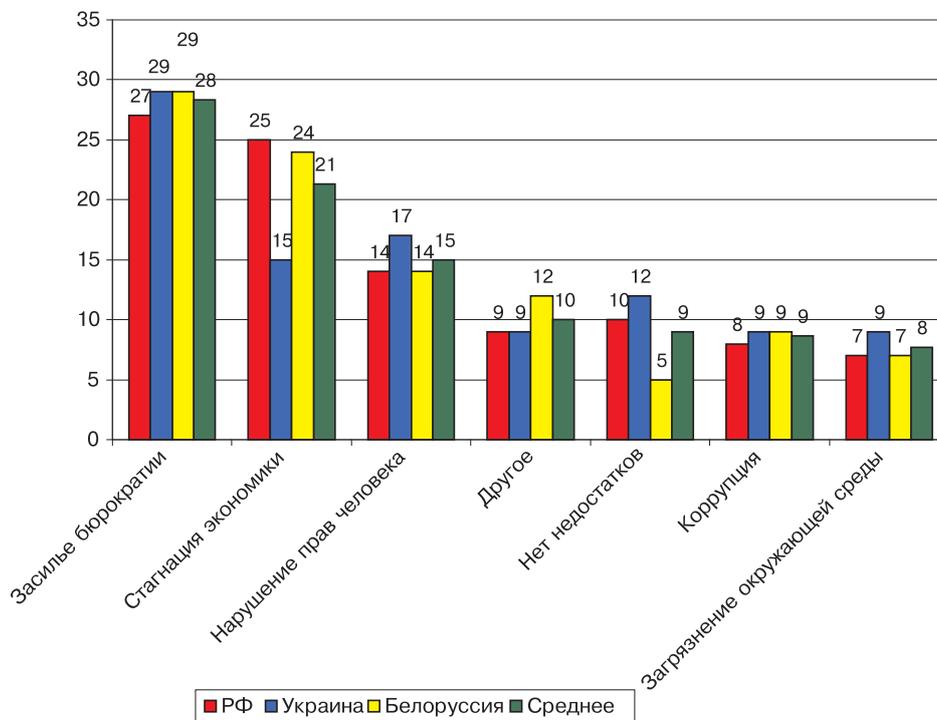
Жители России, Белоруссии и Украины, несомненно, имеют различные представления о прежнем режиме, если доверять результатам нашего исследования. Во-первых, мы спрашивали рядовых граждан, каковы, по их мнению, были достоинства и недостатки коммунистической системы. Результаты приведены на диаграммах 1 и 2. Во всех трех странах гарантии занятости были признаны ее самым большим достоинством, особенно в России и Украине. Высоко были оценены и прочные связи между разными нациями, особенно в Белоруссии. Экономическая стабильность являлась важным фактором, особенно на Украине, где она была признана наиболее значимым преимуществом советской системы. Значительное число респондентов указали в качестве достоинства поддержание социального равенства и порядка. Фактически очень мало респондентов не смогло найти положительных моментов в советском режиме.

Диаграмма 1. Достоинства коммунистического режима (2005–2006 гг.)

Источник: Исследование по России – 2005 г., по Украине и Белоруссии – 2006 г., округление до процентов. Респондентов просили назвать одно самое большое достоинство коммунистического режима; если респондент не мог вспомнить советский период, ему объясняли, что требуется не личный опыт, а общее представление о жизни в СССР, и повторяли вопрос.

Диаграмма 2. Недостатки советского режима

Источник: см. Диаграмму 1; респондентов просили назвать самый значимый недостаток коммунистического режима.

Определенное единодушие проявили респонденты и при указании наименее приемлемых черт старого режима. В каждой стране на первом месте оказалась «избыточная бюрократизация», немного меньше голосов набрала «стагнация экономики» (число выбравших этот вариант особенно велико в России и Украине). Третье место занимает «нарушение прав человека», имеющее немного большее значение для жителей Украины, чем двух других стран. Реже назывались коррупция и загрязнение окружающей среды, примерно один человек из десяти считал, что у старой системы не было недостатков. Мы провели аналогичный опрос в России в 1993 г., результаты этого опроса представлены в Табл. 1. Немного большее число респондентов в 2005 г. отметило равенство, которое, по крайней мере, номинально характеризовало советский период, и немного меньшая доля опрошиваемых считала, что у советской системы не было достоинств. Из недостатков в обоих случаях наибольшее число голосов набрала бюрократизация, стагнация экономики за рассматриваемый период стала немного более значимым фактором, а нарушение прав человека – наоборот, менее значимым. Формальные признаки демократии сравнительно редко упоминались как в числе достоинств, так и среди недостатков советской системы; в качестве плюсов и минусов (по крайней мере, в 2005 г.) назывались социальные и экономические факторы.

Таблица 1. Достоинства и недостатки коммунистического режима в России (1993 и 2005 гг.)

Достоинства			Недостатки		
	1993	2005		1993	2005
Гарантии занятости	29	31	Избыточная бюрократизация	32	27
Отсутствие межнациональных конфликтов	24	20	Нарушение прав человека	17	14
Экономическая стабильность	22	17	Коррупция	15	8
Закон и порядок	12	13	Нет недостатков	13	10
Всеобщее равенство	7	14	Загрязнение окружающей среды	12	7
Нет достоинств	7	2	Стагнация экономики	11	25

Источник: Исследования по России 1993 и 2005 гг., в %, в остатке – вариант ответа «затрудняюсь с ответом» и нет ответа. Респондентов просили назвать по одной положительной и отрицательной черте советского режима.

Таблица 2. Наиболее характерные черты коммунистического и посткоммунистического режима в России (1993 и 2005 гг., в %)

Советский режим, 1970–1980 гг.			Посткоммунистический режим, 1990–2000-х гг.		
	1998	2005		1998	2005
Близкий к народу	36	34	Преступный, коррумпированный	63	62
Законный	32	28	Отдаленный, чужой	41	42
Свой, «родной»	32	26	Неустойчивый	32	29
Бюрократизированный	30	30	Слабый	30	20
Сильный, устойчивый	27	30	Близорукий	28	25
Близорукий	23	21	Бюрократизированный	22	39
Авторитетный, уважаемый	21	24	Паразитический	18	15
Закрытый	17	13	Незаконный	12	16
Справедливый	16	21	Непрофессиональный	12	12
Честный, открытый	14	13	Ограниченный	11	8
Преступный, коррумпированный	13	12	Образованный	6	13

Источник: Адаптировано из [Экономические и социальные перемены 1998, с. 57; Вестник общественного мнения 2006 г., с. 10], показаны все ответы, набравшие более 10% голосов хотя бы в одном году. Данные также были собраны в 2001 г.

Россиян просили также назвать характеристики сегодняшнего режима и советской системы 1970-х и 1980-х годов (см. табл. 2, основанную на результатах опросов ВЦИОМа (позднее, соответственно – Левада-Центра)). Представление об обеих системах в глазах россиян за прошедшие годы практически не изменилось. Коммунизм, несмотря на полное отсутствие – до самых последних лет его существования – конкурентных выборов, характеризовался еще массой недостатков: он был назван излишне бюрократизированным, близоруким и закрытым. Его достоинства более наблюдаемы: советский режим характеризуется респондентами как «близкий к народу», «законный» и «наш родной» – другими словами, общедоступный и (для простых россиян) легитимный. Посткоммуни-

стический режим, напротив, в большей степени ассоциировался с преступностью и коррупцией и был также отдаленным, неустойчивым, слабым (при Путине меньше, чем при Ельцине), близоруким и более бюрократизированным – в 2005 г., чем коммунистическая система, которой он пришел на смену. Респонденты практически никогда не называли положительных черт посткоммунистического режима; напротив – он был признан паразитическим, незаконным (несмотря на его независимый суд и демократические выборы) и некомпетентным.

Также мы задали ряд специфических вопросов о правах и свободах граждан в советское время и в более поздний период (табл. 3). Очевидно, что возможности для выражения религиозных и других воззрений для россиян возросли. Также респонденты считают, что в постсоветский период появилась возможность решать, становиться ли членом той или иной общественной организации или политической партии (в коммунистический период, как часто указывалось, «все, что не запрещено, было обязательным»); но изменение вероятности угрозы незаконного ареста и защиты граждан было не более чем скромным. Поразительно, что обычные люди, по их собственному мнению, сейчас оказывают гораздо меньше влияния на принятие политических решений, чем в коммунистический период, несмотря на демократические выборы, верховенство закона и свободу слова; хотя наибольшая доля респондентов считает, что ситуация вообще не изменилась, вероятность справедливого отношения со стороны государственных органов снизилась.

Таблица 3. **Права и свободы при коммунистическом и посткоммунистическом режиме в России (2001 и 2005 гг.)**

	Намного лучше		Немного лучше		Остались без изменений		Немного хуже		Намного хуже	
	2001	2005	2001	2005	2001	2005	2001	2005	2001	2005
Религиозная жизнь	52	59	27	26	12	11	1	1	1	1
Участие в общественных организациях	45	44	31	33	10	13	2	3	1	1
Участие в политике	44	45	25	30	17	17	2	2	2	1
Свобода слова	45	39	32	36	12	18	3	3	2	2
Отсутствие угрозы незаконного ареста	11	17	13	25	34	33	9	9	10	8
Влияние на политику страны	4	6	10	13	47	44	10	16	18	17
Равенство перед законом	–	4	–	7	–	38	–	21	–	23

Источник: Исследования по России 2001 и 2005 гг., округление до процентов; в остатке – вариант ответа «затрудняюсь с ответом» и нет ответа. Вопрос о равенстве перед законом не был задан в 2001 г.; вопрос о свободе передвижения (лучше – 48%, хуже – 30%) не был задан в 2005 г. Постановка вопроса: «По сравнению с советским периодом, стало ли легче или сложнее осуществить следующее?»; варианты ответа: «Самостоятельный выбор религии», «Свобода в принятии решения об участии в общественной жизни», «Свобода в принятии решения об участии в политической жизни», «Свобода в выражении своих мыслей», «Люди живут без угрозы постоянного ареста», «Возможность обычных людей влиять на политику страны» и «Государство одинаково справедливо по отношению ко всем гражданам».

Более того, так считают не только россияне. Из жителей трех республик россияне больше других уверены, что в их стране возросла по сравнению с коммунистическим периодом возможность осуществления свободы слова и выбора вступать ли в ту или иную общественную организацию. Белорусы уверены, что им удалось обеспечить свободу совести. Удивительно, что именно белорусы больше других уверены, что им удалось значительно улучшить возможность самостоятельного принятия решения об участии в политике; примерно такой же процент опрошенных в трех странах считали, что им не удалось снизить вероятность незаконного ареста. Но, с другой стороны, гораздо меньше свидетельств улучшения отношений между правительством и гражданами. Напротив, в каждом случае в два раза больше респондентов считали, что их возможность влиять на происходящее в стране снизилась по сравнению с коммунистическим периодом, и в четыре раза больше – что неравенство всех перед законом увеличилось (это в меньшей степени относится к Белоруссии, чем к другим странам).

Таблица 4. **Изменение возможностей по сравнению с советским периодом (2005–2006 гг.)**

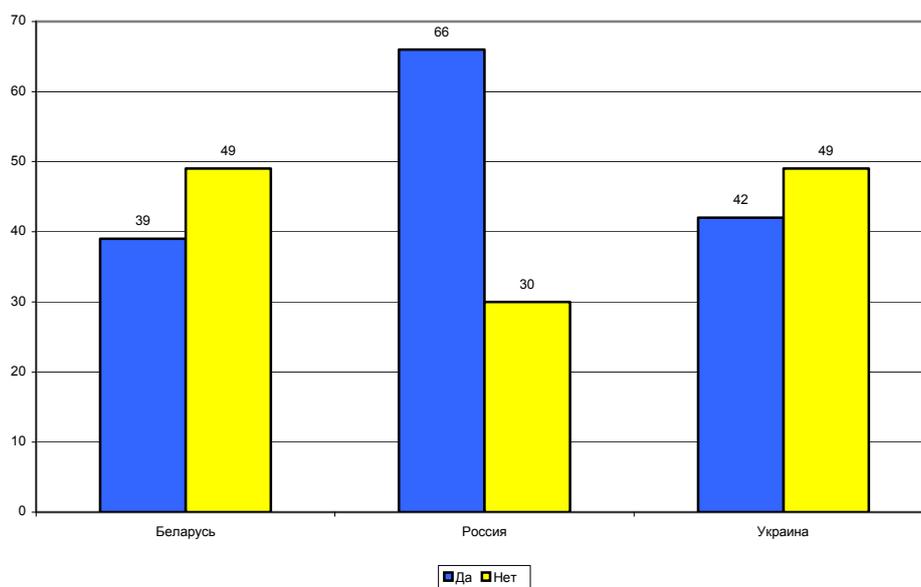
	Беларусь		Россия		Украина	
	согласен	не согласен	согласен	не согласен	согласен	не согласен
Каждый свободен в своих религиозных убеждениях	86	6	85	1	29	4
Каждый свободен решать участвовать или нет в политической жизни	73	10	30	4	34	5
Нет страха перед незаконным арестом	49	23	42	16	45	28
Свобода слова	48	25	75	5	44	13
Каждый может присоединиться к любой общественной организации	38	13	77	4	43	7
Исполнительная власть одинаково относится ко всем гражданам	27	38	11	44	26	62
Обычные люди могут повлиять на политику страны	26	46	19	33	32	52
(нет ответа)	1000		2000		1600	

Источник: Исследование по России – 2005 г., исследования по Белоруссии и Украине – 2006 г., округление до процентов, в остатке – вариант ответа «ничего из перечисленного». Постановка вопроса: «По сравнению с советским периодом согласны ли Вы с утверждением...?»

Сожалели ли респонденты о распаде СССР? Данные по этому вопросу представлены в Таблице 5. Россияне определенно сожалели, причем в соотношении, большем, чем 2 к 1; но большинство населения в других странах придерживалось противоположной точки зрения. Для россиян СССР и есть советская система, со всеми ее плюсами и минусами. Но для жителей Белоруссии и

Украины советское время – это время, когда их страны были союзными республиками, а не независимыми странами. Поэтому для них сожаление о распаде СССР фактически значило бы тоску по времени, когда их страны управлялись из Москвы, а не их выборными правительствами; отсутствие такого сожаления является в сущности признанием значимости национального суверенитета, без обязательного неприятия экономической и политической системы советского времени. Конечно, связь между этими двумя явлениями есть – те, кто сожалел о распаде СССР, с большей вероятностью являлись сторонниками советской системы, и наоборот. Но этот результат также свидетельствует о необходимости проводить различие между этими понятиями: «ностальгический» взгляд на СССР не означает позитивной оценки советской системы, и негативное отношение к СССР, особенно вне России, необязательно значит неприятие принципов, по которым он управлялся.

Диаграмма 3. Отношение к распаду СССР (2005–2006 гг.)

Источник: Исследование по России – 2005 г., по Украине и Белоруссии – 2006 г., округление до процентов; в остатке – вариант ответа «не знаю» и нет ответа. Постановка вопроса: «Согласны ли Вы с тем, что СССР больше не существует – это неудача для жителей Вашей страны?»

Кто в наибольшей степени был потрясен распадом СССР? По данным наших исследований 2005 и 2006 гг. (табл. 5), пол практически не оказывал влияния на отношение к распаду СССР, но возраст был значимым фактором, причем его влияние вполне предсказуемо, среди всех тестируемых переменных влияние возраста наиболее сильное. Место жительства также имело небольшое влияние,

а образование являлось вторым значимым детерминантом, так же как и оценка собственного материального положения, которая в каждой из трех стран сокращала склонность к сожалению о распаде СССР и повышала уровень безразличия. Вполне ожидаемым результатом был больший уровень сожаления среди бывших партийцев. В Белоруссии 39% из всей выборки высказывали сожаление о распаде СССР при значении аналогичного показателя среди бывших членов партии 56% (соответствующие доли в России – 66% и 79%, на Украине – 42% и 71%). Подобная зависимость распространяется, хотя и в меньшей степени, на членов семей бывших членов партии.

Таблица 5. **Отношение к распаду СССР в зависимости от социально-экономических характеристик респондентов (2005–2006 гг.)**

	Белоруссия		Россия		Украина	
	сожалею	не сожалею	сожалею	не сожалею	сожалею	не сожалею
<i>Социально-экономические характеристики</i>						
Мужчина	40	51	62	33	39	52
Женщина	39	48	69	27	44	48
До 30 лет	22	64	44	47	25	62
60 лет и более	57	32	82	15	57	37
Город	38	53	66	30	44	49
Село	40	46	67	28	37	51
Начальное образование	48	36	82	16	56	35
Высшее образование	37	56	62	33	34	60
Низкий доход	51	36	76	20	53	36
Высокий доход	32	59	54	40	29	65
Всего	39	49	66	30	42	50

Источник: Исследование по России – 2005 г., исследования по Белоруссии и Украине – 2006 г.; в остатке – вариант ответа «затрудняюсь с ответом» и нет ответа. Постановка вопроса как в Диаграмме 3. Жирным шрифтом выделены статистически значимые связи между двумя переменными на основе величины скорректированных остатков (см.: [Миллер 2002, с. 132–133]).

Заглядывая в будущее

Имела ли эта ностальгия, как бы мы ее ни определяли и измеряли, какое-либо влияние на политические предпочтения посткоммунистического периода? Являлась ли ностальгия всего лишь отвлеченной абстракцией, романтизированным представлением о прошлом, или четкой позицией, определяющей предпочтения в области внутренней и внешней политики? Рассмотрим сначала связь с внутренней политикой (диаграмма 4). Жители Белоруссии – единственные, кто предпочитал политическую систему «как сейчас» другим вариантам – но их се-

годняшняя политическая система очень близка советской, с авторитарным лидером и доминирующей ролью государства в экономике. У жителей России и Белоруссии на первом месте оказалась «более демократическая советская система», оставившая позади и «советскую систему как в прошлом», и «демократию западного образца». В России большинство населения предпочло дореформенную советскую систему западной демократии; в Белоруссии и Украине наблюдалась обратная тенденция. Но во всех случаях число сторонников демократии не превышало четвертой части населения, а в России их было даже меньше, чем сторонников существующей политической системы.

Диаграмма 4. Предпочтения в области политической организации (2005–2006 гг.)

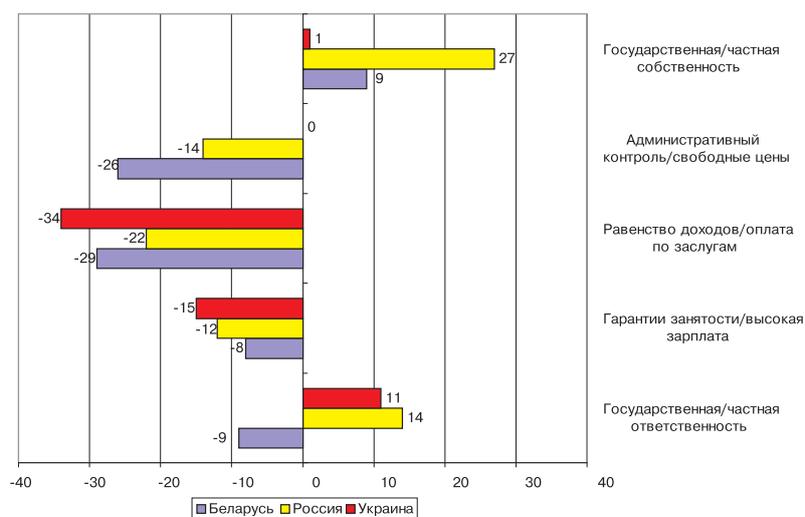

Источник: Исследование по России – 2005 г., по Украине и Белоруссии – 2006 г., округление до процентов. Постановка вопроса: «Какая из перечисленных политических систем кажется Вам наиболее подходящей (для Вашей страны): советская система доперестроечного образца, советская система в более демократической форме, сегодняшняя политическая система, демократия как на Западе, ни одна из перечисленных».

Как мы предполагали, предпочтения в области политических режимов связаны с оценкой распада СССР. Например, 66% россиян сожалели о распаде Советского Союза, 90% – из сторонников возрождения советской системы и 74% – из приверженцев «более демократической советской системы». Тоска по СССР менее заметна среди сторонников сегодняшней политической системы, 48% которых сожалели о его распаде, и демократии западного образца (41%). Как мы видели, в Белоруссии и Украине доля сожалеющих о распаде СССР ниже (39 и 42% соответственно), но опять же респонденты, придерживающиеся этой точки зрения, с большей вероятностью хотели бы восстановления советской системы правления (84 и 87% соответственно) или «более демократической советской системы» (62 и 55%). Ностальгия была заметно ниже, как и в России, среди сторонников сегодняшней политической системы и демократии западного образца (22% и 17% соответственно, все значения кросстабуляций приведены в табл. 6).

Мы также узнали мнение респондентов относительно основных аспектов экономической политики. На диаграмме 5 показана модель распределения мнений для каждой из трех стран, выраженная в терминах различия между «советскими» и «рыночными» ответами. В отличие от политических взглядов ответы на эти вопросы говорили в основном не в пользу практик советского времени. В Белоруссии «советский» вопрос получил большинство голосов лишь в одном случае из пяти (вопрос о сравнении государственного управления компаниями и частного предпринимательства). В России и на Украине большинство населения согласилось с тем, что государство должно нести ответственность за благополучие домохозяйств, белорусы оказались приверженцами точки зрения, что ответственность должна лежать на самом домохозяйстве. Во всех остальных случаях – нужно ли устанавливать потолок зарплат при выборе между высокой зарплатой и гарантированной занятостью и между низкими ценами и широким выбором товаров – большинство выбирало «рыночные» варианты ответов. Таким образом, «ностальгический» взгляд на политическую систему, по всей видимости, сочетается с отличным от него представлением о желаемых принципах управления посткоммунистической экономикой.

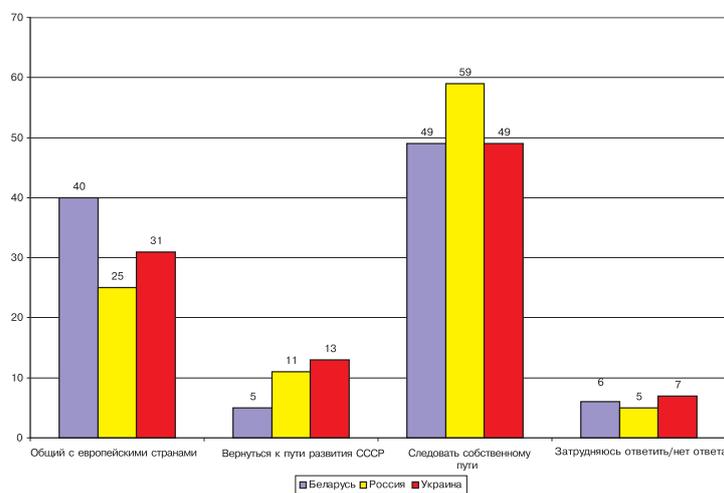
Диаграмма 5. Предпочтения в области экономических систем (2005–2006 гг.)

Источник: Исследование по России – 2005 г., по Украине и Белоруссии – 2006 г., «советские» минус «рыночные» ответы, округление до процентов. Постановки вопросов: «Государственная собственность – лучший способ управления предприятием ИЛИ Лучше всего предприятия управляются частными предпринимателями»; «Лучше много товаров на полках магазинов, даже если они дорогие ИЛИ Лучше когда государство поддерживает низкие цены на товары, даже если товаров мало»; «Доходы людей не должны сильно отличаться ИЛИ Каждый должен получать столько, сколько заслуживает»; «Лучше работать там, где ты не можешь быть уволен, даже если зарплата низкая ИЛИ Лучше работать там, где хорошо платят, даже если вероятность быть уволенным высока»; «Люди должны сами заботиться о благосостоянии своей семьи ИЛИ Государство должно обеспечивать достойный уровень жизни».

А подтверждаются ли сделанные нами выводы на индивидуальном уровне? Действительно ли у ностальгирующих по коммунизму больше общих черт, чем между ними и любыми другими членами общества? Отличаются ли они специфической точкой зрения на собственность и управление экономикой? Отличия на самом деле очень заметны. В России, например, 59% сторонников госсобственности на предприятия, при этом среди сожалеющих о распаде СССР они составляют 75%. Модели распределения мнений в Белоруссии и Украине оказались менее «советскими», и отличия в них меньше, но и в этом случае ностальгирующие по коммунизму с большей вероятностью оказывались сторонниками госсобственности и низких цен при небольшом выборе (соответственно 30% и 40% в целом по выборке, среди сожалеющих о распаде СССР – 50% и 46%).

Диаграмма 6. Представления о дальнейшем пути развития (2005–2006 гг.)

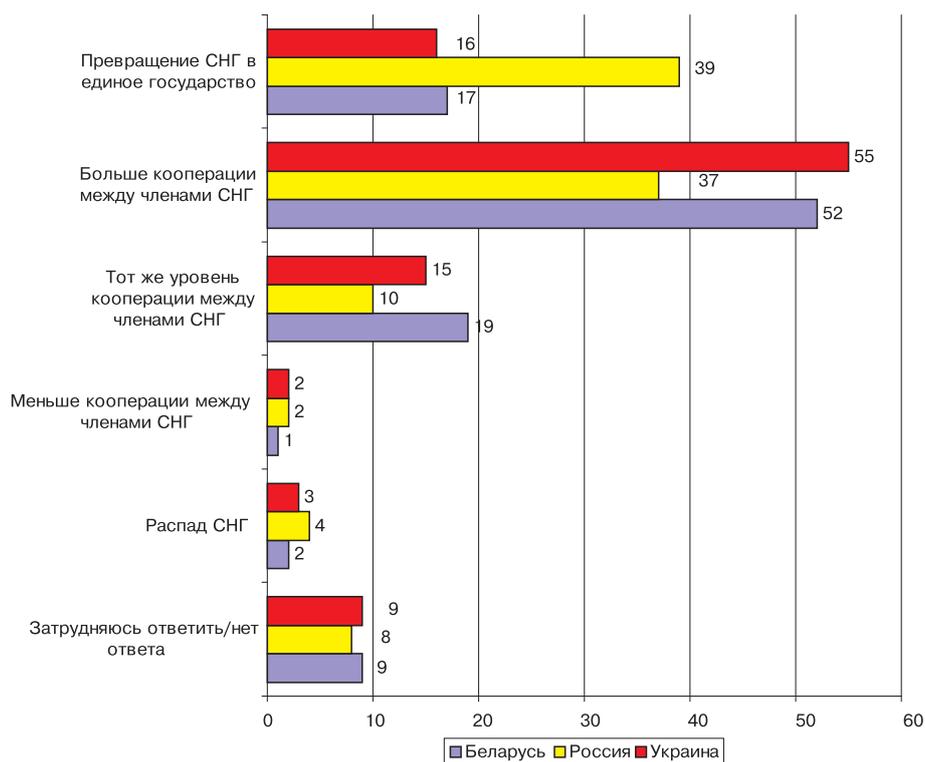

Источник: Исследование по России – 2005 г., по Украине и Белоруссии – 2006 г., округление до процентов. Постановка вопроса: «Как Вы считаете, какому историческому пути должна следовать Ваша страна: такому же, как и современная европейская цивилизация; нужно вернуться к пути развития СССР; следовать собственному особому пути; затрудняюсь с ответом; нет ответа?»

В вопросах международной политики наблюдалась общая тенденция следования «собственному пути развития» (при альтернативе прозападной или просоветской ориентации) (диаграмма 6). Но при этом европейская ориентация оказалась более популярной, чем идея восстановления отношений советского периода (больше всего – в Белоруссии). В то же время большинство респондентов во всех трех странах поддержали идею более тесного сотрудничества между странами – членами СНГ (диаграмма 7). Россияне в большей степени поддерживали полную реинтеграцию и в меньшей – установление более близких отношений с другими членами СНГ. В других двух странах, напротив, большинство высказалось именно за более тесное сотрудничество, и только малая часть респондентов из этих трех стран – за его ослабление или распад СНГ. Такие ре-

зультаты обусловлены массой причин, а не только «ностальгией по коммунизму»; например, у значительной доли считавших, что СНГ должно трансформироваться в единое государство, по крайней мере один из родственников проживает в другой стране из СНГ.

Диаграмма 7. Внешняя политика и СНГ (2005–2006 гг.)

Источник: Исследование по России – 2005 г., по Украине и Белоруссии – 2006 г., округление до процентов. Постановка вопроса: «Некоторые люди считают, что республики бывшего СССР, которые сейчас являются членами СНГ, должны больше взаимодействовать друг с другом или даже объединиться в одно государство. Другие считают существующие отношения между странами СНГ удовлетворительными. Также есть мнение, что СНГ должен быть разрушен. А что думаете Вы? Страны – члены СНГ должны объединиться в одно государство; члены СНГ должны теснее сотрудничать друг с другом, оставаясь при этом независимыми; уровень сотрудничества должен остаться тем же; СНГ должен продолжать существовать, но при меньшем уровне взаимодействия между его членами; СНГ должен прекратить свое существование; не знаю; затрудняюсь ответить».

Однако существует сильная связь между сожалением о распаде СССР и желанием фактически восстановить его в форме единого государства на базе СНГ. В среднем по России 39% высказались за образование единого государства, среди тех, кто сожалел о распаде СССР, этот показатель составил 49%, а среди

тех, кто воспринимал СССР как трагедию – 58%. Идея образования единого государства нашла меньше сторонников в Белоруссии и Украине но, опять же почти все из них относились к числу «ностальгирующих по коммунизму». Эти и другие зависимости показаны в табл. 6, жирным в ней выделены статистически значимые. Фактически статистически значимыми оказались почти все связи: между сожалением о распаде СССР и предпочтениями в области политических и экономических систем и направлениями внешней политики. Характер связей вполне предсказуемый: сожалеющие о распаде СССР в каждом случае с большей вероятностью являются сторонниками советской системы дореформенного образца и с меньшей – западной демократии, скорее предпочитают плановую экономику рыночной и чаще выражают согласие с тем, что СНГ должно быть преобразовано в единое государство.

Таблица 6. Связь между распадом СССР и политическими предпочтениями (2005–2006 гг.)

	Белоруссия			Россия			Украина		
	Сожалею	Не сожалею	Всего	Сожалею	Не сожалею	Всего	Сожалею	Не сожалею	Всего
<i>Предпочтения в области политики</i>									
Советская система до перестройки	17	1	8	31	7	22	32	3	15
Более демократическая советская система	32	12	20	39	27	35	41	22	31
Сегодняшняя политическая система	27	39	35	12	27	17	9	26	18
Демократия западного типа	12	33	22	10	27	15	10	38	24
<i>Предпочтения области экономики</i>									
Экономика советского типа	39	19	27	41	19	34	36	16	25
Рыночная экономика	31	53	43	27	49	34	34	53	44
<i>Предпочтения в области внешней политики</i>									
СНГ должно быть преобразовано в единое государство	34	7	19	53	20	42	35	5	18
Сотрудничество между членами СНГ должно стать более интенсивным	56	57	58	36	52	41	55	64	61
Сотрудничество должно остаться неизменным	10	31	21	7	18	11	9	24	17
Сотрудничество должно стать менее интенсивным	0	1	1	2	3	2	1	3	2
Распад СНГ	4	1	2	3	7	4	1	5	3

Источник: Исследование по России – 2005 г., исследования по Белоруссии и Украине 2006 г., в % от суммы по столбцу. Постановка вопроса: «Сожалеете ли Вы о распаде СССР?»; в остатке – вариант ответа «затрудняюсь с ответом» и нет ответа. Жирным шрифтом выделены статистически значимые связи между двумя переменными на основе величины скорректированных остатков (см.: [Миллер 2002, с. 132–133]).

Имеют ли эти взгляды какие-нибудь следствия для современной политики? Влияет ли, в частности, ностальгия по коммунизму на приверженность партии наряду с другими факторами? Доказательства представлены в табл. 7 в форме бинарной логистической регрессии, в которой мы оцениваем влияние ностальгии по коммунизму, индикатором которой служит сожаление о распаде СССР, на выбор партии на парламентских выборах в декабре 2003 г. в России и марте 2006 г. Украине, у респондентов с одинаковыми социально-экономическими характеристиками. Мы обнаружили существование сильных, стабильных и статистически значимых связей в обоих случаях. В России при прочих равных респонденты, сожалеющие о распаде СССР, значительно более вероятно голосовали за коммунистов и поддерживали либеральных демократов, чей яркий антикоммунистический лидер выступал под лозунгами установления централизованного государства, распространяющего свое влияние значительно дальше территории бывшей Российской Империи. Отрицательная связь наблюдалась в отношении СПС и, в меньшей степени, прокремлевской «Единой России». Предположение о склонности таких респондентов поддерживать «Родину» и голосовать против «Яблока», хотя и было вполне естественным, оказалось статистически незначимым.

Таблица 7. Регрессия выбора партии на показатель «ностальгия по коммунизму» (Россия и Украина, 2005–2006 гг.)

Политическая партия	Россия	Украина
КПРФ	1.5** (.272)	
ЛДПР	.671** (.207)	
«Родина»	.146 (.217)	
«Единая Россия»	-.279* (.111)	
Союз Правых Сил (СПС)	-1.07** (.312)	
«Яблоко»	-.478 (.300)	
Коммунистическая Партия Украины (КПУ)		2.06 ** (.367)
Социалистическая Партия Украины		.391 (.228)
Партия регионов		.877** (.123)
Блок «Наша Украина»		-1.27** (.177)
Блок Юлии Тимошенко		-1.05** (.153)

Источник: Исследование по России – 2005, исследования по Белоруссии и Украине – 2006, бинарная логистическая регрессия.

Замечания: * = статистически значимо на $p < 0.05$; ** = статистически значимо на $p < 0.01$, двусторонний критерий, в скобках показаны стандартные ошибки. Регрессия голосования за ту или иную партию на сожаление о распаде СССР; с ограничением на социально-экономические характеристики респондентов, указанные в табл. 5. Все переменные, кроме возраста, принимают значение 1 – обладает заданной характеристикой, 0 – нет; переменная «возраст» принимает числовое значение.

Мы также обнаружили сильную, стабильную и статистически значимую связь между ностальгией по коммунизму и поддержкой политических партий,

принимавших участие в парламентских выборах на Украине в марте 2006 г. Снова коммунистическая партия нашла своих сторонников в основном среди тех, кто считал распад СССР катастрофой, хотя количество набранных ею голосов уменьшилось по сравнению с предыдущими выборами. Такая же ситуация наблюдалась и для «Партии регионов» во главе с В. Януковичем, победившей на этих выборах с результатом в 32% голосов и 186 из 450 мест в парламенте. Предвыборная кампания «Партии регионов» была основана на идее более тесного взаимодействия с Россией и пропаганде русского языка. Ностальгия по коммунизму отрицательно сказывалась на поддержке блока Юлии Тимошенко и президентской партии «Наша Украина», которые заняли соответственно второе и третье места на выборах. Наше исследование не выявило влияния ностальгии на поддержку Социалистической партии Украины (лидер Александр Мороз), получившую 6% голосов и присоединившуюся в августе 2006 г. к проработавшей коалиции.

Заключение

Итак, мы обнаружили значимость такого явления, как ностальгия по коммунизму. Большая часть населения России (на Украине и в Белоруссии – меньше половины населения) сожалеют о распаде СССР, не обязательно при этом являясь сторонниками его восстановления. Сам президент Путин назвал распад СССР «величайшей геополитической катастрофой XX столетия» [Российская газета 2005], исследования показывают устойчивое положительное отношение к СССР в прошлом и поддержку идеи о более тесном взаимодействии бывших союзных республик в будущем. Белорусы и украинцы меньше сожалеют о распаде СССР (что связано с обретением этими странами независимости в 1991 г.) и меньше поддерживают идею образования единого государства на территории стран – членов СНГ, в основном предпочитая ей более тесную кооперацию между этими странами; только незначительная часть респондентов высказалась за распад СНГ. В целом по всем трем странам наибольшая часть респондентов выбирала «более демократическую советскую систему» в качестве режима управления и рыночную (а не командную) модель экономики. В этом проявляются неоднозначность и противоречивость советского наследия.

Если большинство населения предпочитало советскую систему с характерными для нее экономическими и политическими принципами, то среди респондентов, сожалеющих о распаде СССР, доля сторонников советской системы была еще выше. Эти респонденты также с большей вероятностью, чем другие, поддерживали идею реставрации советской системы управления, экономики советского типа и образования единого государства на базе стран – членов СНГ (различия в этом случае настолько велики, что не могут быть объяснены статистической погрешностью). Сожаление о распаде СССР также оказывало значительное влияние на модели поведения избирателей на российских выборах 2003 г. и парламентских выборах на Украине в 2006 г. «Тоскующие» по СССР с большей вероятностью поддерживали партии левых, или, в крайнем случае, партии, предлагающие введение государственной собственности; они в основ-

ном выбирали советский или «более демократизированный советский» тип правительства и более тесное взаимодействие между бывшими союзными республиками, и крайне редко – рыночную экономику и демократию западного типа.

В то же время понятие «коммунистическая ностальгия» требует большей детализации. Точки зрения по вопросу образования единого государства отличаются в России, Белоруссии и Украине, где это связано с вновь обретенной независимостью. Население предпочитает «более демократическую советскую систему» одновременно с рыночной моделью экономики. В странах Балтики наблюдались крайне низкие уровни ностальгии по советскому времени, но при этом – сравнительно большое число сторонников идеи «сильного лидера», который принимал бы решения, не ориентируясь на выборные институты. Не многие хотели бы возвращения политической монополии одной партии и отсутствия свободы слова, но значительное число респондентов ценят плюсы полной занятости, низких цен, полного социального обеспечения и государства, занимающегося прямым регулированием экономики. Ни в одной из исследованных трех стран не было выявлено полного отрицания советского режима, наоборот, в этих странах наблюдался значительный уровень поддержки его принципов; эти настроения оказали существенное влияние на выбор избирателей, когда им была предоставлена возможность выразить свою точку зрения относительно дальнейшего направления национальной политики.

Перевод с англ. Ю. Афанасьевой

Литература

- Вестник общественного мнения. Январь-февраль 2006 г. № 1(81).
Гайдар Е. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996.
Головачев Б.В. Формирование правящей элиты в России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995–1996. № 1 (часть 2), 6.
Горшков М., Петухов В. Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // Прорыв к свободе: о перестройке 20 лет спустя. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
Известия. 7 ноября 2005 г.
Известия а. 23 августа 1991 г.
Известия б. 12 ноября 1991 г.
Ельцин Б.Н. Записки президента. М.: Огонек, 1994.
Ершова Н.С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / Под ред. Т.И. Заславской и Л.А. Арутюняна. М.: Интерпракс, 1994. Т. 1.
Заславская Т.И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в современной России // Социологические исследования. 2002. № 8.
Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформаций. М.: Дело, 2004. Т. 1.
Коржаков А. Борис Ельцин: От рассвета до заката. М.: Интребук, 1997.
Левада Ю.А. Двадцать лет спустя: перестройка в общественном мнении и общественной жизни // Вестник общественного мнения. 2005. № 2.
Российская газета. 26 апреля 2005 г.

- Стародубровская И.В., Мау В.А.* Великие революции от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.
- Троцкий Л.* Преданная революция. М.: НИИ Культуры, 1991.
- Экономические и социальные перемены. 1998. № 3.
- Ekman J., Linde J.* Communist Nostalgia and the Consolidation of Democracy in Central and Eastern Europe // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2005. № 21:3 (September).
- Gibson J.L.* Political and Economic Markets: Changes in the Connections Between Attitudes Toward Political Democracy and a Market Economy Within the Mass Culture of Russia and Ukraine // *Journal of Politics*. 1996. № 58:4 (November).
- Haerpfer Ch.W.* Democracy and Enlargement in Post-Communist Europe. The Democratization of the General Public in Fifteen Central and East European Countries, 1991–1998. London: Routledge, 2002.
- Kotz D., Weir F.* Revolution from Above: The Demise of the Soviet System. London: Routledge, 1997.
- Mendelson S.E., Gerber T.P.* Failing the Stalin Test // *Foreign Affairs*. 2006. № 85:1 (January-February).
- Mendelson S.E., Gerber T.P.* Soviet Nostalgia: an Impediment to Russian Democratization // *Washington Quarterly*. 2005–2006. № 29:1 (Winter).
- Miller R.L., Ciaran A., Deirdre A.* Fullerton and John Maltby. SPSS for Social Scientists. Basingstoke and New York: Palgrave, 2002.
- Miller W.L., White S., Heywood P.* Values and Political Change in Postcommunist Europe. Basingstoke: Macmillan and New York: St Martin's, 1998.
- Remnick D.* Resurrection: The Struggle for a New Russia. New York: Random House, 1997.